

О Т С О С Т А В И Т Е Л Я

Это трагические документальные рассказы о партизанах и подпольщиках, действовавших в Анапе и Анапском районе в период оккупации 1942—1943 гг. В них ничего не придумано, все факты действительны, все участники названы своими именами. Некоторые фамилии хорошо известны анапчанам.

Бывших анапских партизан осталось очень мало. При встречах вспоминаем боевых товарищей, отдавших свою жизнь за Родину, за родную Анапу. И если оставшиеся в живых уйдут из жизни, не рассказав правду о тех давних событиях, то поступят несправедливо по отношению к памяти о погибших боевых товарищах.

В отряде было много молодежи, юношей и девушек, которым едва ли исполнилось 18 лет, а некоторым и 15 лет не было, а также много женщин-партизанок, оставивших дома своих детей, девушек, которым было страшно видеть все ужасы оккупации. Иногда пытаются сравнить партизан с солдатами, воевавшими на передовой. Но между ними большая разница. В армии, на передовой, враг только впереди, а у партизан — и впереди, и сзади, и слева, и справа. На передовой была кухня или сухой паек. У партизан же что добудут, то и есть, а иногда неделями еды не видели.

На передовой — землянки, блиндажи либо какое-нибудь временное жилье, а партизаны шесть месяцев под открытым небом в любую погоду: в дождь, ветер, пургу, мороз.

На передовой — связь с большой землей, а партизаны были этого лишены. На передовой раненых можно было отправить в госпиталь, у партизан выживал кто как мог. Даже похоронить убитых не было возможности. Так что сравнения эти ни к чему. Каждый делал свое дело, лишь бы победить врага.

Выполняли свой долг

Рано утром 9 сентября 1942 года группа партизан из двенадцати человек, возглавляемая Нихорошкиным, получила приказ обстоятельно изучить район Мокрой щели и подобрать места дислокации для партизанского отряда.

При изучении местности особое внимание группа должна была обратить на подходы, наличие питьевой воды, близость лесных дорог, а также на маршруты отхода отряда при необходимости.

На обратном пути, когда солнце клонилось к закату, в Новогирской щели к месту движения группы двигалось походным строем немецко-фашистское подразделение. Группа приняла решение принять бой с использованием сопков, идущих над дорогой по щели. С этой целью рассредоточились и при подходе фашистов внезапно открыли огонь из автоматов и винтовок, а оказавшихся поблизости карателей забросали гранатами.

Фашисты, обеспокоенные внезапностью нападения и тем, что время подходило к вечеру, не вступили в бой, ответили беспорядочной стрельбой. Подобрав убитых и раненых, повернули обратно в сторону моря, где у немцев находилась большая застава. Используя сложившиеся обстоятельства, партизаны прибыли в расположение отряда.

В первых числах сентября 1942 года в район Казенного хребта была послана боевая группа партизан, которую возглавили зам. начальника Анапского порта, секретарь парторганизации А. С. Коробов, работник Анапского винзавода А. А. Кравченко. В нее входили партизаны Жовнер Николай, Ланжинский Виктор, Фимченко Филипп, сын Коробова — Коробов Виктор, учащийся 10 класса.

В результате наблюдения было выявлено: наше подразделение, прикрывающее отход основных частей, преследуется фашистами. Командир группы принял смелое решение — ударить с тыла по оккупантам, дать возможность воинам оторваться от преследования фашистов.

Внезапный удар с тыла обеспокоил фашистов, они приостановили свое движение, а затем рассредоточились

ряков-десантников, раненых и больных партизан был получен приказ о переходе второго и третьего отрядов в Натухаевские и Гостагаевские леса в целях концентрации их совместных действий против оккупантов.

По прибытии на новое место дислокации отряды разместились поблизости от первого Анапского, Щербиновского, Камышеватского, Варениковского партизанских отрядов. Таким образом, в 3—4 километрах находилось 6 отрядов общей численностью до трехсот человек, с хорошо отлаженной связью и рацией при Щербиновском отряде. Руководство всеми отрядами осуществлял секретарь крайкома партии Егоров, который перешел из Сукковских лесов с группой партизан, возглавляемой комиссаром 3-го отряда Салашиним, проводником являлся Петраш Ф. Ф.

Было проведено совещание с руководящим составом отрядов, на котором наметили мероприятия: боевые действия, связь с населением, выпуск листовок с правдивыми сведениями о положении на советско-германском фронте. Были распределены районы действий каждого отряда, решены жизненно важные вопросы.

Выполняя план, группа первого отряда, возглавляемая Кумпаном, заминировала мост в плавнях с восточной стороны станицы Анапской, где было большое скопление войск и техники оккупантов, движущихся на передовую линию в район Новороссийска. Внезапный взрыв остановил движение фашистов и внес коррективы в их планы.

В целях выявления связей с партизанами оккупанты со звериной ненавистью проводили облавы и обыски у жителей станицы Анапской и близлежащих населенных пунктов. У взорванного моста фашисты повесили атамана станицы Анапской Жука Алексея Саввича с надписью на груди: "Повешен за связь с партизанами".

Отряды минировали дороги, идущие в ст. Гостагаевскую, ст. Натухаевскую, Анапу, где производились взрывы фашистского транспорта, на котором перевозилось разное оборудование, продукты питания и живая сила противника.

В первых числах ноября группы, возглавляемые мной и командиром разведгруппы Маленко, распространяли листовки в ст. Натухаевской. В группу входил житель станицы Сергиенко, отставший от воинской

небольшая группа немцев. Петя Литвинов и Ваня из солдат успели крикнуть Ане Прихленко, Марусе Петровой и Гале Сергиенко, чтобы срочно сообщили в отряд, что воды не набрать, встретились с немцами. А сами открыли стрельбу. Немцы в ответ застрочили из автоматов в сторону леса наугад. В лес идти они не рискнули и, быстро отстреливаясь, побежали к машине и уехали. Вернувшись в отряд, ребята обо всем доложили командованию.

На кухне не думали, что вернутся без воды, и затопили печь, которая прикрывалась заслонкой из жести. Когда Тая Колмыкова стала тушить печь, нечаянно наступила на раскаленную заслонку и сильно обожгла ногу. Нужен был бы холод, но не было воды. Обняв руками ногу, она сидела и извивалась от боли.

Через каждые четыре часа менялись посты, их было три вокруг всего отряда. Александр Ананьевич — командир "первого отделения" — бросил коротко: "Оля Компаниец и Вася Сухоруков, на пост!" Оля недавно сменилась и занялась стиркой, у нее давно было замочено в воде белье. "Ой, опять не постирала!" — сказала она, но быстро подбежала Аня Ивина и попросилась: "Пошлите меня за Олю, пусть она постирает". Ане сильно нравился Вася Сухоруков, и она этого не скрывала. Часто говорила, что никто ей так не нравился, как Вася. Получив согласие командира отделения, Аня мигом вбежала в палатку и через минутку вышла в шелковом цветном платье. Ей хотелось понравиться Васе. Вася был по национальности мордвин, черноволосый, со смуглым лицом и темными глазами. Лицо его было симпатичным, характер осторожным. Казалось, этот человек никогда не поступит необдуманно. Нравилась ему Аня или нет? Никогда не высказывал ничего отрицательного, но и положительного не было заметно. О том, что она его любит, он знал. Да, такая уж она, Аня — вся открытая, как на ладони, без притворства, без хитрости. Ане и раньше часто приходилось стоять на этом посту, и она на дереве вырезала ножом слова: "Здесь погибла славная трусиха Аня". Она быстро находила общий язык со всеми, была прямая в разговоре, ни для кого не была загадкой. Лицо у нее было нежное, но был недостаток, о котором она, не скрываясь, говорила: "Эх, фигурку бы

"Анютки" (так вначале назывался наш отряд). — "А ты не шутишь? С нами шутки плохи", — засомневались они. Я говорю: "Нет, я не одна". — "А мы вот не можем связаться с "Анюткой". Где вас найти?" — спросили они. "После боя еще не определились с местом, — сказала я. — Разрешите позвать старшего?" Я отошла от плетня, ища глазами Николая, он заметил меня и вышел из-за дерева. Я махнула ему рукой. Нас вывели на полянку, обо всем расспросили, накормили. Дали с собой для отряда хлеба и сала. Рассказали, как и где должно встретиться наше командование с командованием Щербиновского партизанского отряда.

Утром с нашим командованием пошел Николай, как условились, на поляну для встречи с щербиновцами. После этой встречи нас привели к небольшому склону горы, где отныне и будет располагаться наш отряд. Оказывается, здесь были все отряды. Справа от нас Варениковский, потом наш Анапский, слева Щербиновский, за ним Камышеватский. За продуктами ходили на базы Варениковского отряда. И готовили пищу в их отряде. Место было неплохое. У подножия гор протекал ручеек с очень холодной водой, где мы иногда имели возможность помыть голову и обмыться. Приступили к строительству землянок для жилья. Каждое отделение строило свою. В отряде, кроме постов, была застава. Располагалась она на возвышенности, откуда хорошо просматривалось подножие многих гор, окружавших наши отряды.

Ежедневно салтыковцы ходили на задание, иногда на три и более дней. Нападали на немцев, которые передвигались по дороге, идущей по лесу, обстреливали их. Как-то вернувшись, долго смеялись над тем, как небольшой группой напали на немцев, и удачно. Несколько человек убили, а остальные, отстреливаясь, начали убегать и кричать от страха, а наши небольшой группой их преследовать.

Было раннее, прохладное после дождя, красивое утро. Нас вывели и построили в ровном лесочке без кустарников. Перед строем стояли командир, комиссар и начальник штаба. Комиссар держал в руках листок бумаги и короткими фразами зачитывал слова партизанской присяги. Хором вполголоса мы за ним повторяли. Это было что-то торжественное. Слова присяги призывали к жестокой мести немцам.

среде сохраняет в себе какую-то особую теплоту. Абрам рассказывал о своей жизни шепотом, монотонно. От сильного ветра я многое не расслышала. Снова меня стал одолевать сон: класс, сидят за партой ученики, входит Абрам в строгом черном костюме и белой рубашке. Я вздрагиваю: что это я? Нет, немного надо размяться, разогнать сон, чтобы не заметил Абрам. Я подвигала руками, как от холода, поворачивала головой. Ну вот, кажется, набралась бодрости. Надо было бы раньше себя пересилить. Теперь я уже не садилась до смены постов.

В группе, которую готовили для перехода линии фронта, было 67 человек. Из нашего отряда 13 человек: Тоня Иванова — радистка, Аня Давыдова, Маруся Петрова, Ася Головачева, Аня Прихленко, Галя Сергиенко, Костя Ивин, Фоменко, Ваня З., Абрам, Лифтеров, Федченко, Оранский, Боюр и Терещенко — не вернулись с задания, их послали в колхоз "2-я Пятилетка", где они работали. За старших отправили опять из Варениковского отряда Матвеева и еще двоих (не помню их фамилий). Один носил очень длинную шинель, со здоровьем, наверное, у него не все было в порядке. Другой очень сильно кашлял. В отряде кашель его мог выдать. Знаем, что группа эта не прошла через линию фронта. А может, до нее не дошла. Скорее всего, опять было предательство. Встал вопрос: что же делать с тяжело ранеными, которые не могут идти? Решают оставить их в каком-нибудь селе, договориться с хозяевами. Разведка договорилась в Гладковской, но за ранеными нужен уход. Тут-то и пригласил командир бабушку Заозерскую: "Пойдете с ранеными в Гладковскую. Если будет трудно или опасно, подберете другое место, но чтобы они выжили".

Бабушка знала, что гарантии на жизнь почти не было, но приказ есть приказ. Стояла она рядом со мной со слезами на глазах. Сказала только: "Вот это и все. Значит, я в отряде больше не нужна. Сперва дед погиб, а теперь я". — "Может, все обойдется!" — вырвалось у меня. Хотя тоже знала, что это явная смерть. Нет, не обойдется, никому не обходилось, но приказ надо выполнять. Ночью понесли раненых и повели бабушку. Сердце ее чувствовало, что не на радость, а на смерть идет. Текли непрошеные слезы,

стерегала рабочих под каждым кустом винограда. Все силы людские были направлены на восстановление плантаций. Работали почти одни женщины, прихватив с собой детей, чтобы сделать больше нормы... Вдруг в одном из рядов раздался сильный взрыв. Бросив работу, все подбежали к месту взрыва. На mine подорвалась насмерть рабочая Ольшанская, осталось двое детей, а муж на фронте. Над обезображенным трупом кричали женщины. На другой день, боясь подорваться на mine, рабочие отказались идти на виноградник.

Пришел с фронта молодой парень Митя Победа, нашелся ему трактор. Сделал он за неделю на нем приспособления и, рискуя жизнью, "проутюжил" все междурядья. И только потом стали люди без опаски работать.

СМЕРТЬ КОМИССАРА

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПАРТИЗАН ОТРЯДА ФРОЛОВА П. А.

У первого секретаря райкома партии Анапы дел было — хоть отбавляй. Не помнит, когда нормально спал. Надо было вывезти весь колхозный скот, чтобы не достался оккупантам. Вывезти зерно, вино, а что не успевали вывезти — уничтожить. Разбивались бочки с вином, вино текло рекой по улицам. Уничтожалось зерно.

Фашисты на подходе к Анапе. Принимаются все меры по созданию партизанских отрядов. Обсуждаются кандидатуры тех, кого можно оставить в оккупации для связи с партизанами.

В небольшом кругу партийных руководителей формируются партизанские отряды. Первый отряд возглавляет сам первый секретарь райкома партии Фролов Павел Акимович. Командиром назначает Приходько

Кузьминична успела заметить: худые, бледные, полураздетые, несмотря на холодную погоду. Поравнявшись, они сделали вид, что не знают друг друга. На следующий день они снова повстречались и также отвернулись друг от друга. Агриппина Кузьминична заметила, что лица девчонок стали еще страшней, какими-то восковыми. А в третий раз Кузьминична пришла отмечаться в гестапо и в коридоре услышала разговор: "Вчера расстреляли двух партизанок из совхоза Молотова". Агриппина Кузьминична поняла, что расстреляли Тоню Скопинцеву и Лену Горюнову. Больше их она уже не встречала.

...Кочетова, которую послали на задание вместе с Тоней Скопинцевой, в отряд не вернулась. Послали ее мужа Кочетова узнать, что случилось. Он тоже в отряд не вернулся. Позже узнали, что оба были расстреляны немцами. В отряде остались их сыновья — Геннадий и Юрий. Они узнали о случившемся и долго плакали, горюя о своих погибших родителях.

Слезы — это слабость, а не трусость.

Трусостью такое не назвать.

В пытках мысли, как в тумане, кружат,

В памяти одна родная мать.

За руки схватили, зверски потащили

Партизанку Тоню на допрос.

Как ни издевались, как ни били,

Слышался в ушах один вопрос.

Мамочка, мне больно! Мамочка, мне страшно!

Только бы не струсить, только б не предать!

Только бы глазочком на одну минутку

Мамочку родную увидеть.

Уж не льются слезы,

Только сердце стонет.

Завтра расстреляют

Скопинцеву Тоню.

Не сдалась, не предала, не стала на колени...

Со смертью повстречалась не спеша,

Вроде б между прочим ей напомнили:

"Ты умрешь, а жизнь так хороша".

Плачут убеленные сединами солдаты

При воспоминанье о войне.

Ну, а мне за партизан Анапы

Хочется поплакаться вдвойне.

В памяти проходят, как былые,

Сердцу дорогие имена.

Только б помнили о вас живые,

Вами бы гордилася страна.

Все они имели свои группы или кружки. По условиям конспирации я не мог знать, кто именно состоит в этих кружках, так же как члены этих кружков не должны были знать о моем отношении к их работе.

Очень скоро листовки стали выходить за пределы города, распространяться в станицах Анапского и соседних районов: группа Лапшиной распространяла листовки, кроме города, в станице Нижнебаканской среди мобилизованного на строительство укреплений гражданского населения. Группа Семикина — в станице Джигинской среди военнопленных, работающих на строительстве дороги. В этой группе текст листовок переводился на грузинский, армянский и азербайджанский языки — для военнопленных, плохо владеющих русским языком. Алла Иванова распространяла листовки среди военнопленных, работавших на дороге в с/х "Джемез". Супруги Яловенко, которым тогда было за шестьдесят лет, читали листовки в Алексеевской и передавали своим знакомым для чтения в станицу Анапскую. Чтобы освободить стариков от переписывания, я давал им по два, а иногда по три экземпляра. Один экземпляр они передавали в станицу Благовещенскую. Персональный пенсионер Яловенко, участник революционного подполья с 1905 года, помогал мне советом, в частности он посоветовал распространять листовки методом цепочки непосредственно от меня, а те, кто получал их, не должны знать друг о друге. Какое-то время наши листовки доставлялись в Новороссийск через подругу Харитоновой З. П.

После освобождения Анапы от немецко-фашистских захватчиков нашими листовками по поручению крайкома партии занимался какой-то писатель по фамилии Смирнов. Листовки со сводками от Советского Информбюро он находил во многих станицах Анапского и соседних районов. Особенно много их было в станице Натухаевской, куда их доставляла какая-то девушка, якобы из партизанского отряда. Кто была эта девушка, установить не удалось. Тов. Смирнов собрал очень много листовок и, сличая их тексты, по имеющимся неточностям в названиях установил, что все листовки из одного источника. По его подсчетам во всех районах предместного укрепления было распространено более двух с половиной тысяч листовок. От меня их вышло немногим более тысячи. Всего было сто два выпуска.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
Рядом с комиссаром. Из воспоминаний Кумпана И. Н.	4
Как это было. Из воспоминаний Щукина М. М.	7
Первый партизанский отряд. Из воспоминаний Мельничук Т. П.	26
Смерть комиссара. Из воспоминаний партизан отряда Фролова П. А.	64
Все-таки война не для женщин... Из воспоминаний бывших партизан и сестер Тони Скопинцевой	70
Они отдали жизнь за Родину. Список погибших анапских партизан	82
В Анапском райкоме комсомола. Из воспоминаний Мельничук Т. П.	85
От истребительного батальона — к подполью. Из воспоминаний Жени Михайловой	92
Анапа в период оккупации. Из воспоминаний Перова В. А. . . .	99

ТОЛЬКО БЫ ПОМНИЛИ ВАС ЖИВЫЕ...

Редактор Н. В. Ходырева
Оформление художника Т. П. Безлуцкой
Технический редактор В. В. Иванова
Корректор В. А. Рубцова

ЛР № 010194 выдана 19.02.92 г. Сдано в набор 8.10.96 г.
Подписано к печати 28.11.96 г. Формат бумаги 84х108 1/32.
Бумага газетная. Гарнитура шрифта "Балтика". Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,72. Учетно-изд. л. 6,80. Тираж 5000. Заказ 148
"С" — 180.

Издательство и типография "Советская Кубань"
350680, ГСП, г. Краснодар, ул. им. Шаумяна, 106.